

История как наука — основа школьного предмета

А.В. Кузнецов

Статья является полемическим ответом на вопрос: возможно ли написание единого учебника истории, который лишён противоречий этой науки и предлагает однозначные оценки исторических событий? Рассмотрены принципы разрабатываемого в настоящее время историко-культурного стандарта.

Ключевые слова: учебник истории, исторические источники и документы, оценка исторических фактов, Историко-культурный стандарт.

«...Нелёгкое дело всё же писать Историю
бросает в жар хотя на дворе зима
и боязно и лампа выгорает не помню кем
сказано в скриптории холодно палец
у меня ноет...»

У. Эко «Баудолино»

Волею случая данная статья пишется в момент, который может стать переломным в развитии курса отечественной истории в школе. Инициированная президентом в феврале 2013 г. работа над единым учебником истории, который должен быть написан «хорошим русским языком и не иметь внутренних противоречий и двойных толкований», привлекла к процессу его разработки действительно выдающихся учёных и педагогов. Судя по тому, как протекают заседания рабочей группы, работа идёт серьёзная, в ней участвуют учёные с различными взглядами, и уже есть первые плоды*, но до окончания работы ещё далеко и результат её не ясен. В связи с этим закономерно возникают два вопроса: во-первых, на-

* Если проект Историко-культурного стандарта будет принят, то учебники придётся переписывать и преподавать дисциплину по-новому. Один из примеров: была одобрена идея, что в 1917 г. не было двух революций (Февральской и Октябрьской), а по аналогии с Великой французской революцией свершилась единая Российская революция. Она прошла ряд этапов, завершившись с окончанием Гражданской войны. (Прим. авт.)

сколько история как наука может быть освобождена от «внутренних противоречий и двойных толкований» и, во-вторых, насколько их может быть лишён школьный курс истории?

История – одна из самых древних наук в мире. С течением времени она претерпевала существенные трансформации. В первую очередь видоизменялись представления о предмете истории, что и ныне является её характерной чертой [8, с. 16–17].

Колыбелью исторической науки как самостоятельной дисциплины является Древняя Греция. Первоначально слово «история» означало в переводе с древнегреческого языка «расследование, узнавание, установление; расспрашивание». Долгое время понятие «история» охватывало все виды учёной деятельности в самых разных областях. Историческим становилось любое знание, получаемое путём исследования, а не только собственно историческое знание в современном смысле. Называя свой труд «Историей», Геродот как бы подчёркивает, что его основной метод – расспрашивание, узнавание. Он подразумевает под историей письменный рассказ о прошлом, «чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния, как эллинов, так и варваров, не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом» [4, с. 11]. Аристотель использовал слово «история» для естественно-научного трактата с говорящим названием «История животных» [3]. В один ряд с ним можно поставить и латиноязычную «Естественную историю» Плиния Старшего, равнодушную к «великим и удивления достойным деяниям» людей. Энциклопедист VII в. Исидор Севильский определяет историю как «повествование о событиях, при помощи которого становится известным то, что было сделано в прошлом» [6, с. 64]. Примерно так история понималась на протяжении всего Средневековья. Лишь в XIX в. в европейских университетах появились кафедры истории, а за понятием истории как науки утвердился его теперешний смысл.

В современном толковом словаре «история» трактуется как гуманитарная наука, изучающая «прошлое человечества во всей его конкретности и многообразии. Исследуются факты, события и процессы на базе исторических источников, которыми занимаются источниковедение и ряд вспомогательных исторических дисциплин» [3].

Уже из этого определения видна основная особенность исторической науки: между прошлым человечества, реально существовавшей некогда действительностью и научно воссозданной картиной прошлого располагается промежуточное звено – исторический источник. Под историческими источниками, в наиболее общем смысле, понимаются «все объекты, непосредственно отражающие исторический процесс и дающие возможность изучать прошлое человеческого общества» [Там же]. Таким образом, знание о прошлом всегда будет опосредованным. Нельзя, к сожалению, непосредственно наблюдать исторические события прошлого, можно только реконструировать их, опираясь на источники.

Реконструкция любого фрагмента прошлого является результатом активного интеллектуального труда историка. Воссоздать исторический факт по тексту летописи, фрагментам бересты с записями средневекового новгородца или обломкам глиняной посуды может только учёный. «...В современной действительности прошлое присутствует во всей своей исторической определённости, неповторимости только в качестве "продукта" человеческой интеллектуальной, конструктивной деятельности, только как "образ прошлого"» [2, с. 89]. Этот «образ прошлого» не может не быть крайне субъективным. Не случайно поэтому одни и те же источники по-разному трактуются историками, либо трактовки меняются с течением времени.

Рассмотрим для примера работу историка с самым массовым типом источников – письменным. Допустим, к историку попал некий текст. Прежде всего нужно перевести и понять его. И тут специалиста подстерегают первые сложности. Каждый, кто

изучал древние языки, знает о многозначности слов и фраз в них. Передко исторические исследования строятся вокруг того или иного прочтения весьма короткого отрывка текста. Так, при знакомстве с содержанием «Записок» Гая Юлия Цезаря и «Германии» Тацита – основными источниками по ранней истории германцев – постоянно возникает вопрос: что означали в реальной жизни варварских племён *rex*, *dux*, *magistratus*, *princeps*? Насколько термины, взятые авторами из реалий римского общества и государства, применимы к варварам? Не вели ли они к искажению описания социальной и культурной жизни германцев [5, с. 29–30]? Вот и ломают историки копыя в спорах. А сколько чернил вылито в попытках объяснить смысл небольшого отрывка летописи, начинающегося со слов «В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани...», даже пояснять не нужно.

Весьма образно и иронично о работе историка с источниками высказался французский писатель Анатолий Франс: «Писать историю – дело чрезвычайно трудное. Никогда не знаешь наверняка, как всё происходило, и чем больше документов, тем больше затруднений для историка. Когда сохранилось только одно-единственное свидетельство о некоем факте, он устанавливается нами без особых колебаний. Нерешительность возникает лишь при наличии двух или более свидетельств о каком-либо событии, так как они всегда противоречат одно другому и не поддаются согласованию. Конечно, предпочтение того или иного исторического свидетельства всем остальным покоится нередко на прочной научной основе. Но она никогда не бывает настолько прочна, чтобы противостоять нашим страстям, нашим предрассудкам и нашим интересам или препятствовать проявлениям легкомыслия, свойственного всем серьёзным людям. Вот почему мы постоянно изображаем события либо пристрастно, либо слишком вольно» [9, с. 27].

Однако допустим, что тот или иной исторический факт «достоверно» установлен и кажется на современном уровне развития науки совер-

шенно очевидным. Ещё больше споров вызывает оценка этого факта. В первую очередь это касается наиболее дискутируемых и кажущихся актуальными в обществе исторических сюжетов. Если взглянуть на перечень «трудных вопросов истории», составленный в рамках работы над Историко-культурным стандартом единого учебника по истории России, то окажется, что подавляющее большинство таких вопросов, относящихся к истории XX в., оказываются именно вопросами оценки. Вот для примера финальные десять «трудных вопросов»:

22. Цена победы СССР в Великой Отечественной войне.

23. Оценка роли СССР в развязывании «холодной войны».

24. Советская национальная политика.

25. Причины, последствия и оценка реформ Н.С. Хрущёва.

26. Оценка периода правления Л.И. Брежнева и роли диссидентского движения.

27. Причины, последствия и оценка «перестройки» и распада СССР.

28. Оценка причин, характера и последствий экономических реформ начала 1990-х годов («шоковая терапия»).

29. Причины и последствия побед Б.Н. Ельцина в политических схватках 1990-х годов.

30. Оценка внешней политики России в 1990-е годы.

31. Причины, последствия и оценка стабилизации экономики и политической системы России в 2000-е годы [13].

Согласитесь, что ответ на подобные вопросы будет напрямую зависеть от политических, идеологических взглядов и в целом от мировоззрения историка, а также от общественно-политической конъюнктуры в стране или же наличия прямого госзаказа. В конце 80-х – 90-е годы XX в. все мы могли наблюдать глобальную переоценку событий истории прошедшего века, когда вчерашние «герои» становились «злодеями» и наоборот. Вряд ли в ближайшее время научному сообществу удастся прийти к приемлемому консенсусу по большинству таких вопросов. Страсти подчас кипят нешуточные. Так, недавно в прямом

радиоэфире доктор исторических наук сошёлся в рукопашную с доктором политических наук. Учёные мужи обсуждали тему исторического наследия В.И. Ленина [10].

Как видим, история по своей сути является наукой противоречий, двойственных или даже множественных толкований, предельно субъективной и останется таковой в ближайшее время.

Какое же влияние оказывает современная историческая наука на школьный курс истории и возможно ли написание учебника, лишённого противоречий и двойных толкований? На первую часть вопроса можно сразу же ответить, что это влияние незначительно. Вернёмся к определению истории: она изучает «прошлое человечества во всей его конкретности и многообразии».

Совершенно очевидно, что ни отдельный историк, ни исследовательские коллективы не ставят перед собой задачу изучить «прошлое человечества во всей его конкретности и многообразии». Такая всеохватность невозможна по вполне объективным причинам. Выбор конкретной темы исследования диктуется личными пристрастиями и интересами историка, принадлежностью к научной школе, весьма разнообразно понимаемой актуальностью и другими причинами. В этом смысле историческая наука в последние десятилетия демонстрирует удивительную гибкость.

Во второй половине XX – начале XXI в. обнаружилась тенденция ко всё большему взаимодействию истории с другими науками, в первую очередь – социальными и гуманитарными, но немаловажное место принадлежит информатике и математике. В результате горизонты исторической науки беспрецедентно расширились, учёные непрерывно осваивают новые темы, подходы и методы исследования, в научный оборот введён колоссальный массив новых исторических источников, традиционные же изучаются на совершенно ином уровне. С развитием информационных технологий и сети Интернет появилась возможность интенсифицировать обработку больших массивов информации и коммуникацию

между специалистами. При этом в фокусе исторических исследований последних десятилетий устойчивое место занимает человек – разнообразные проявления человеческой субъективности и индивидуальности в прошлом и настоящем [7, с.330–331].

Противоположную картину являет собой школьный курс истории. Здесь, как и в исторических трудах XIX в. и школьных учебниках советского периода, основной упор делается на события политической истории. Сменяются правители, войны следуют одна за другой, территория государства прирастает, «роль личностей, общественных институтов и структур, социокультурные факторы и повседневность человеческой жизни уходят в тень, искажая, в конечном счёте, историческую реальность» [13].

Попытка содержательного анализа школьных учебников отечественной истории приводит к обнадужению в них большого числа «неточностей, мифов, стереотипов и устаревших концепций» [12]. Проблема разрыва между современным уровнем развития исторической науки и содержанием школьного курса истории отчётливо осознаётся как академическими историками, так и педагогами.

Здесь следует отметить, что по результатам социологических опросов большинство россиян (74%) довольны качеством и содержанием преподавания истории в школе (<http://ria.ru/society/20130809/955329714.html>). Однако это не повод «консервировать» школьный курс. Он должен трансформироваться вслед за развитием науки. Определять, каким ему быть, должно профессиональное сообщество историков и педагогов, а не политики и чиновники.

В Пояснительной записке к проекту разрабатываемого и обсуждаемого сейчас нового Историко-культурного стандарта преподавания истории в школе необходимость его появления обосновывается «развитием мировой исторической науки, накоплением новых исторических знаний, возросшим общественным интересом к событиям прошлого» [13].

Справедливости ради надо сказать, что разрыв между исторической наукой и массовым историческим созна-

нием (в том числе запечатлённом в школьных учебниках) – общемировая тенденция, вызванная целым рядом причин: определённой замкнутостью и снобизмом академической науки, невниманием к популяризации её последних достижений (в том числе и в школе), бурным развитием новых форм коммуникаций (телевидение, Интернет и т.п.). В России результатом такого разрыва стало преобладание в книжных магазинах весьма сомнительной исторической литературы, наподобие монументальных трудов приверженцев «новой хронологии». Для преодоления сложившейся ситуации в конце XX – начале XXI в. в ряде университетов западных стран получили развитие учебные программы и были созданы центры, институты и общества по public history (публичной истории) – дисциплине, изучающей способы и формы существования истории в повседневной жизни и призванной распространять стандарты академической науки, исторические знания и навыки исторического мышления в среде непрофессионалов [7, с. 345]. В этом году подобная образовательная программа принята и в России [11].

Тут мы напрямую сталкиваемся с особенностью понимания места учебника истории в учебном процессе. Ныне учебник является лишь одним из многочисленных источников знания. Семья, телевидение, кино, Интернет, СМИ – всё, что можно отнести к культурной или образовательной среде, создаёт мощный поток информации. Она, безусловно, противоречива и требует определённых навыков работы. В прикладном смысле именно на выработку таких навыков поиска, фильтрации и анализа противоречивой информации должен быть ориентирован и учебник истории, и школьный курс истории в целом.

Конечно, можно составить учебное пособие, где отечественная история будет изложена предельно однозначно. Такое пособие идеально подойдёт для тренировки памяти и как справочник при подготовке к ЕГЭ. Вот только к истории, живой и сопровождающей нас в повседневной жизни, оно не будет иметь никакого отношения. Попытка административными методами добиться единомыслия и

непротиворечивости в рамках школьного учебника, пусть и с опорой на авторитет ведущих историков, сделает подобный учебник предметом постоянной критики. Вероятно, этот учебник не заслужит симпатии учителей и учеников; по крайней мере в ходе обсуждения Историко-культурной концепции он уже получил наименование «Краткий курс-2».

Литература

1. *Аристотель. История животных* / Аристотель. – Пер. В.П. Карпова; под ред. Б.А. Старостина. – М.: РГГУ, 1996.
2. *Библер, В.С. Исторический факт как фрагмент действительности (Логические заметки)* / В.С. Библер // *Источниковедение: Теоретические и методологические проблемы*. – М., 1969.
3. *Большой Российский энциклопедический словарь*. – М., 2003.
4. *Геродот. История* / Геродот. – Пер. и прим. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972.
5. *Гуревич, А.Я. Избранные труды: Древние германцы: Викинги* / А.Я. Гуревич. – СПб., 2007.
6. *Исидор Севильский. Этимологии, или Начала*; в XX кн. – Кн. I–III: *Семь свободных искусств* / Исидор Севильский. – Пер. с лат.; прим. и указ. Л.А. Харитонова. – СПб.: Евразия, 2006.
7. *Репина, Л.П. Перспективы исторической науки в начале нового тысячелетия* / Л.П. Репина // *В поисках истины: Сб. к юбилею академика А.О. Чубарьяна*. – М., 2012.
8. *Смоленский, Н.И. Теория и методология истории* / Н.И. Смоленский. – М., 2008.
9. *Франс, А. Остров пингвинов* / А.Франс. – М., 1974.
10. *Двое историков подрались в радиэфире из-за Ленина* [Электронный ресурс]. – <http://lenta.ru/news/2013/04/19/beat/>
11. «Мы всегда находимся в зоне интерпретации исторического факта»: Андрей Зорин о публичной истории [Электронный ресурс]. – <http://theoryandpractice.ru/posts/7566-zorin>
12. *Пашкова, Т. История – опиум для народа?* [Электронный ресурс]. – <http://www.rosbalt.ru/generation/2013/02/15/1094721.html>
13. *Проект Историко-культурного стандарта* [Электронный ресурс]. – <http://минобрнауки.рф/документы/3483>

Алексей Валерьевич Кузнецов – канд. истор. наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, г. Москва.